

Воспоминания**Юрий Гагарин: «Вижу Землю»**

Накануне празднования 50-летия полета первого человека в космос, которое отмечалось 12 апреля 2011 года, объявленного, как известно, Годом космонавтики, на сайте Федерального космического агентства был открыт новый раздел, посвященный Юрию Алексеевичу Гагарину и зарождению эпохи пилотируемой космонавтики в целом. И там было помещено обращение к ветеранам ракетно-космической отрасли, космонавтам, журналистам и другим заинтересованным людям с просьбой поделиться своими воспоминаниями, документами, фотографиями по данной тематике.

По сообщению пресс-службы Роскосмоса, материалов поступило очень много. В том числе была передана уникальная книга «Космонавты рассказывают...» издательства «Детская литература», выпущенная в 1964 году.

Сегодня мы публикуем отрывки из воспоминаний Юрия Гагарина «Вижу Землю».

**Экскурсия
на борт «Востока»**

- Будем знакомы: Титов.
- Меня зовут Андриян...
- Гагарин, Юрий.

Первые встречи, первые знакомства. Все мы с интересом присматривались друг к другу. Славные ребята! Душевные, простые, обыкновенные!

Сразу прибавилось уверенности в силах.

Мы поселились под Москвой, в месте, которое сейчас принято называть «Звездный городок». Быстро пришлось убедиться: предстоит немало трудиться и учиться. И, главное, впереди было не так уж много времени: ученые и конструкторы практически заканчивали все необходимые приготовления.

К полетам нас готовили специалисты самых различных областей знания. Мы изучали основы ракетной и космической техники, конструкцию корабля, геофизику, астрономию, медицину.

Кроме теории, много времени уходило на физическую подготовку. Гимнастику сменяли игры с мячом, прыжки в воду с трамплина, велосипед. Регулярно, в любую погоду, под наблюдением врачей. А вскоре подошло время специальных тренировок – испытаний в сурдокамере, где царит абсолютная тишина, на стремительной центрифуге, в термокамере с обжигающим воздухом, в самолетах, где специально создается состояние невесомости. Готовился и космический корабль. Его я впервые увидел летом 1960 года, за девять месяцев до старта. Будущий «Восток» всем сразу же понравился. Тогда же мы узнали, что оболочка корабля нагревается при входе в плотные слои атмосферы до нескольких тысяч градусов...

– Гагарину хорошо – он литейщик, привык стоять у раскаленных печей, – пошутил кто-то из товарищей.

– Пожалуй, несколько тысяч градусов многовато и для Юры, – отметил другой.

– Как-нибудь не расплавимся!

Здесь же мы познакомились с тепловой защитой корабля. И, забегаю вперед, скажу, что во время всех наших полетов температура в кабине была нормальной.

Я хочу рассказать о корабле. Космический корабль состоит из двух отсеков. Первый – «жилой». Это кабина пилота с рабочей аппаратурой. Второй отсек с тормозной установкой, которая обеспечивает посадку корабля.

Самый большой предмет в кабине – кресло. В него вмонтирована катапульта, схожая с теми, что имеются на реактивных самолетах.

По команде кресло с человеком отделяется от корабля. Кроме катапульты, в кресло вмонтирована спасательная лодка, запас провизии, рация для связи в случае вынужденной посадки на воду, запас медикаментов.

Наверное, все или почти все читатели видели в кино или по телевидению внутреннее оборудование корабля. Там много сложной радиотехники, оптических устройств. За тем, что делается вне корабля, пилот наблюдает через иллюминаторы. Стекла иллюминаторов – особенные, не уступающие по прочности металлу. Но, кроме того, нужна и защита от ярких, не таких, как на Земле, солнечных лучей. Поэтому иллюминаторы снабжены шторками.

В кабине расположены аппараты и системы, обеспечивающие нормальные условия жизни и работы космонавта: температуру воздуха, влажность, содержание кислорода и так далее. Вы знаете, что никаких непредвиденных обстоятельств при посадке советских космонавтов не случилось. Все шестеро приземлились в заданном районе, и аварийный запас провизии никому не понадобился...

Мне кажется, нам очень повезло по сравнению с американскими коллегами и в таком отношении: кабины на наших кораблях намного просторнее, чем на американских. Судя по тому, что рассказывали Гленн и его товарищи, у нас были и другие преимущества. Например, температура поддерживалась в заданных нормах. А американские ученые, видно, не смогли окончательно преодолеть перегрев... И еще – старт. Не завидую тому пилоту-космонавту, который сидит на космодроме и узнает, что запуск откладывается из-за таких-то и таких-то неполадок. У нас этого не было. Необычайная точность расчетов сопровождала нас во всем от старта до посадки.

Безукоризненно работали все приборы. Об одном приборе я расскажу вам подробнее. Он похож на глобус, на такой же глобус, который есть в каждой школе. Во время полета этот глобус вращается. И в любую секунду мы могли точно определять, над какой точкой Земли находится корабль. Управление кораблем настолько совершенно, что оно вызывало у нас, космонавтов, откровенное чувство восторга учеными и конструкторами.

Как вы знаете, в космос корабль выводится многоступенчатой ракетой. Как только «Восток» достигает заданной высоты, он отделяется от ракеты-носителя и продолжает полет самостоятельно. Скорость – около восьми километров в секунду.

Советские ракеты не имеют себе равных по мощности, надежности и точности работы. Ракета, которая вывела на орбиту Земли «Восток», имела общую мощность двигателей около 20 000 000 лошадиных сил.

108 минут

Вместе со мной на космодром летел Герман Титов, еще несколько космонавтов, группа научных работников и врач. Мы сидели с Германом рядом. Опасения тех, кто предлагал не предупреждать нас о дне полета, чтобы мы не нервничали, не оправдались. И я, и Герман, который был готов в случае необходимости занять место в кабине «Востока», чувствовали себя прекрасно.

Мы были готовы. Но долгожданное решение государственной комиссии было объявлено только на космодроме: я назначался командиром «Восток-1», Герман Титов – моим дублером.

До 11 апреля мы с Германом изучали график полета, отрабатывали все элементы задания. Нужно было запомнить все операции, которые предстояло выполнить в полете. Помогали нам в этом и создатель космического корабля, и видные советские ученые. Привыкали мы и к «космической кухне» – сокам и паштетам, которые предстояло есть из особых туб.

День перед полетом был отведен для полного отдыха. В домике, где жили мы с Германом, звучала тихая музыка. О полете не разговаривали. Вспоминали детство, прочитанные книги, увиденные фильмы. Весело посмеивались друг над другом, вспоминая всякие забавные случаи и происшествия. Кроме врача, который был с нами почти постоянно, заходили друзья по отряду, Главный Конструктор (С.П. Королев – длительное время его фамилия оставалась секретной – ред.)

Спать легли в девять вечера. Помнится, снов я не видел. В половине шестого утра разбудил врач. Встал и Герман, напевая, как обычно; шутовскую песенку. Последняя проверка. Все – в норме.

Мне помогли надеть скафандр.

Потом мы с Германом сели в специальный автобус, в котором начинается уже космическая жизнь. Скафандр подключается к приборам, подающим воздух.

У подножия ракеты – огромного, устремленного в небо сооружения – попрощался с провожающими и на лифте поднялся к вершине ракеты. Заявление, которое я сделал за несколько минут перед этим, широко известно. Оно было напечатано в газетах, передано по радио.

И вот я остался один, среди многочисленных приборов, освещенных искусственным светом. Лишь радио связывало меня с окружающим миром.

Конечно, я волновался – только робот не волновался бы в такие минуты и в такой обстановке. Но вместе с тем был уверен, что полет завершится успешно, что ничего такого, что не предвидели бы наши ученые и техники, не случится. Был уверен в совершенстве ракеты, скафандра, приборов, связи с Землей, качества пищи. Очевидно, и во мне были уверены. Все это, вместе взятое, и называлось «готовностью к космическому полету».

О чем я думал, сидя в кресле космического корабля перед стартом? Уже была проверена

техника связи. Слышалась музыка: друзья позаботились, чтобы я не чувствовал одиночества. Оставалось шестьдесят минут «свободного времени».

Двигатели ракеты были включены в 9 часов 07 минут. Сразу же начали расти перегрузки. Я буквально был вдавлен в кресло. Как только «Восток» пробил плотные слои атмосферы, увидел Землю. Корабль пролетал над широкой сибирской рекой. Отчетливо были видны островки на ней и освещенные солнцем лесистые берега.

Смотрел то в небо, то на Землю. Четко различались горные хребты, крупные озера. Видны были даже поля.

Самым красивым зрелищем был горизонт – окрашенная всеми цветами радуги полоса, разделяющая Землю в свете солнечных лучей от черного неба. Была заметна выпуклость, округлость Земли. Казалось, что вся она опоясана ореолом нежно-голубого цвета, который через бирюзовый, синий и фиолетовый переходит к иссиня-черному...

Невесомость, к которой я быстро привык, сыграла со мной злую шутку. После одной из записей в бортовой журнал я отпустил карандаш, и он свободно поплыл по кабине вместе с планшетом. Но, неожиданно развязался узелок шнурка, на котором был закреплён карандаш, и он нырнул куда-то под сиденье. С этого момента я его больше не видел. Дальнейшие свои наблюдения пришлось передавать по радио и записывать на магнитофон.

За исключением этого небольшого происшествия, ничего непредвиденного не произошло. Заранее разработанный график полета соблюдался точно. До самого спуска все шло примерно так, как мы рассчитывали на Земле.

В 10 часов 25 минут автоматически было включено тормозное устройство. Корабль вошел в плотные слои атмосферы. Сквозь шторы, прикрывавшие иллюминаторы, я видел багровый отсвет пламени, бушующего вокруг корабля. Невесомость исчезла, нарастающие перегрузки вновь прижали меня к креслу. Они увеличивались и были сильнее, чем при взлете.

В 10 часов 55 минут, через 108 минут после старта, «Восток» благополучно опустился на поле колхоза «Ленинский путь» у деревни Смеловки.

В ярко-оранжевом скафандре я, наверное, выглядел странно. Первые «земляне», женщина и девочка, боялись подойти ко мне поближе. Это были Анна Акимовна Тахтарова и ее внучка Рита.

Потом с полевого стана подбежали механизаторы, мы обнялись, расцеловались. За те неполных два часа, которые я провел в космосе, радио донесло и сюда, и во все концы Земли весть о запуске. Моя фамилия уже была известна тем, кто меня встретил. «Восток» спустился в нескольких десятках метров от глубокого оврага, в котором шумели весенние воды. Корабль почернел, обгорел, но именно поэтому казался мне еще более красивым и родным, чем до полета.

Внучка лесника Рита Тахтарова сейчас уже ходит в школу. Я никогда не забуду, что она и ее бабушка были первыми людьми, встретившими меня после возвращения из космоса.

Публикуется с некоторыми сокращениями.